

шого брата герцога – речь идет в пятой части мемуаров. На этот раз повествователь уделяет внимание личности погибшего, но ограничивается краткими и общими формулировками, не позволяющими увидеть ни своеобразие его характера, ни отношение к нему самого Ларошфуко. Дух эпохи, пронизанный необходимостью подчинять частное общему, ведет мемуариста к выбору наиболее приемлемой формы выражения личного. Он использует обобщающее слово, как бы включая себя в число других людей, испытывавших похожие чувства: «Все, знавшие шевалье, имели основания его оплакивать, ибо, не говоря уж о том, что у него были все необходимые для человека его положения качества, немного найдется людей столь юного возраста, которые явили бы столько свидетельств безупречности поведения, преданности и бескорыстия и притом в столь важных и опасных обстоятельствах, какие выпали на его долю» (103).

Таким образом, в «Мемуарах» Ларошфуко, созданных в атмосфере абсолютистской идеологии, интересы личного характера оцениваются как второстепенные по отношению к общественно значимым, а частная жизнь только начинает проникать в ткань повествования. В первых двух частях ее удельный вес выше, чем в четырех последующих, что дополнительно подтверждает переход Ларошфуко от использования местоимения «он» к «я» в процессе работы над мемуарами. Такое изменение служит свидетельством постепенного отхода автора от модели хроникального повествования и становится формальным маркером усиления его интереса к частному. Касаясь этой новой для мемуаристики сферы, Ларошфуко руководствуется представлениями своего сословия о нормативном поведении и прибегает к самоцензуре. В результате в повествовании о

частной жизни преобладает тактика намеков и умолчаний, а также используются характерные для эпохи формулы обобщающего характера и широко известные галантные истории, литературная обработка которых впоследствии будет способствовать становлению жанра романа.

Примечания

- 1 См. об этом: *Lafond J. Préface // La Rochefoucauld F. de. Mémoires. Paris, 2006. P. 7–8.*
- 2 *Разумовская М. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 250.*
- 3 *Неклюдова М. Искусство частной жизни : Век Людовика XIV. М., 2008. С. 60–61.*
- 4 *Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 5. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.*
- 5 *Неклюдова М. Указ. соч. С. 63.*
- 6 *Алташина В. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.). СПб., 2005. С. 36.*
- 7 О природе истинной галантности см.: *Viala A. La France galante. Essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution. Paris, 2008 ; Павлова С. Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 40–46.*
- 8 *Ларошфуко Ф. де. Размышления на разные темы // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. С. 210.*
- 9 *Корнель П. Сид. М., 1955. С. 47.*
- 10 См.: *Lafond J. Notes // La Rochefoucauld F. de. Op. cit. P. 310.*
- 11 См. об этом: *Lesne-Jaffro E. Les lieux de l'autobiographie dans les mémoires de la seconde moitié du XVIIe siècle // Autobiographie en France avant Rousseau. Cahiers de l'Association internationale des études françaises. № 49. Paris, 1997. P. 204–206.*

УДК 821.161.1.09-31+929 Пушкин

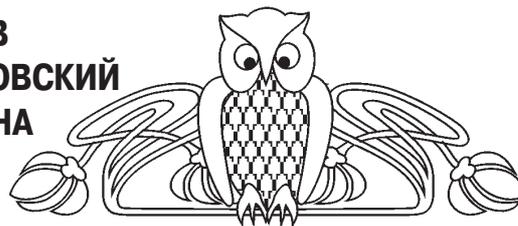
«СТАРИННЫЙ РУССКИЙ БАРИН» ТРОЕКУРОВ И «СТАРИННЫЙ ДВОРЯНИН» АНДРЕЙ ДУБРОВСКИЙ В ВАРИАНТАХ АВТОГРАФА РОМАНА ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»

М. С. Кислина

Саратовский государственный университет
E-mail: mariyakislina@rambler.ru

В статье сопоставляются варианты автографа романа Пушкина «Дубровский», касающиеся образов старших представителей дворянского сословия. Текстуальный анализ вариантов позволяет выявить процесс воплощения художественного замысла.

Ключевые слова: Пушкин, роман, варианты автографа, дворянство, образы помещиков.

An «Old-time Russian Master» Troyekurov and an «Old-time Nobleman» Andrei Dubrovsky in the Variants of Pushkin's Autograph of the Novel *Dubrovsky*

M. S. Kislina

The article compares the variants of Pushkin's autograph of the novel *Dubrovsky* concerning the images of the elder representatives of the nobility. Variants' textual analysis allows to reveal the process of artistic idea implementation.

Key words: Pushkin, novel, autograph variants, nobility, images of landowners.

Широко распространено мнение о незавершенности романа Пушкина «Дубровский». В 1833 г. работа над ним была прекращена, белого автографа и окончательного названия рукопись не имела. Текст романа для академического собрания сочинений Пушкина подготовлен Б. В. Томашевским и К. И. Халабаевым в 1923 г. Внушительен по объему корпус черновых материалов, включающий варианты автографа, наброски отдельных глав и планы. К вариантам и планам неизбежно обращались в большей или меньшей мере авторы работ, касающихся вопроса о творческой истории романа «Дубровский»: Н. Н. Петрунина, Т. П. Соболева, С. А. Фомичев. Сведений о том, что Пушкин собирался реализовать намеченные планы, в пушкинистике нет. Тем не менее преобладающее число исследований посвящено именно этой проблеме.

В первом томе романа трагикомически повествуется о тяжбе «старинного русского барина» Кирилла Петровича Троекурова со «старинным дворянином» Андреем Гавриловичем Дубровским. Сюжетное пространство произведения – усадьбы помещиков. В коллизию вовлечены соседи-помещики, судебное чиновничество и крестьяне. Интересом к каждому из сословий определяется внимание к усадебному быту. Второй том посвящен романтической истории любви Маши Троекуровой и Владимира Дубровского. Это сюжетное звено изучается в соответствии со стилистикой жанра романтической повести.

Значительными по характеру правок оказываются варианты, связанные с историей образов помещиков Троекурова и Андрея Дубровского.

В тексте, доступном широкой читательской аудитории, обстоятельства, разлучившие Троекурова и Андрея Дубровского, не указаны. Перед старшим поколением – Троекуровым и Дубровским, вопрос выбора жизненного пути ставился во время дворцовых переворотов XVIII в. В черновом варианте содержатся строки, объясняющие разницу положения бывших сослуживцев: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору»¹. К пушкинскому упоминанию «славного 1762 года» обращались с различными целями В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский, П. И. Калецкий, Н. Н. Петрунина, М. Б. Рабинович. Выдвигались предположения о том, что Пушкин отказался от столь определенного обращения к эпохе дворцовых переворотов, дабы избежать хронологических противоречий в романе, а также по цензурным соображениям. Исследователями рассматривалось это упоминание в контексте взглядов Пушкина на проблему расслоения старинного дворянства, выраженных в прозаических опытах конца 1820-х – начала 1830-х гг., в стихотворении «Моя родословная» (1830), поэме «Езерский»

(1832), в заметке «О дворянстве» (1830–1834). Однако не предпринималось попыток сопоставления свода вариантов автографа, отражающего творческую историю образов Троекурова и Андрея Дубровского.

Впервые образ старинного русского барина в прозе намечается Пушкиным в незавершенном романе «Арап Петра Великого» (1827). Черты, которыми наделен «коренной русский барин» Гаврила Афанасьевич Ржевский, будут присущи последующим родственным образам: «Он происходил от древнего, боярского рода, владел огромным имением, был хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русской барин»². В черновых материалах к роману «Арап Петра Великого» чередуются слова «русский барин» и «русский боярин»³, что может быть обусловлено временем действия повествования, колоритом Петровской эпохи. Примечательно, что в «Арапе Петра Великого» Пушкин дает одному из героев фамилию рода князей Троекуровых. Рязанский воевода, сетующий на разорение русского дворянства новейшими обычаями, назван Кириллом Петровичем Т., единожды Троекуровым. В «Барышне-крестьянке» тип «настоящего русского барина» будет явлен в образе Григория Ивановича Муромского.

Значительные правки первой главы романа «Дубровский» касаются характеристики Кирилла Петровича Троекурова, его нрава, характера, наклонностей: «В домашнем быту Кирилла Петрович выказывал все пороки человека необразованного» (1; 161). Дважды в вариантах говорится о хлебосольстве Троекурова: «Кирилла Петрович имел пороки и добродетели человека необразованного. Он был великий хлебосол» (2; 755), однако, исключая эти слова из экспозиционной части романа, Пушкин не исключает это качество из целостного образа Троекурова, оно проявится в описаниях пиршеств помещика. К хлебосольству как отличительной барской черте автор возвращается в IX главе романа при описании застолья в день храмового праздника в Покровском: «Кирилла Петрович весело обзирал свою трапезу, и вполне наслаждался счастьем хлебосола» (1; 192). Однако в ходе повествования акцент смещается с гостеприимства, радушного угощения гостей на проявление барской праздности: «(Троекуров. – М. К.) раза два в неделю страдал от обжорства» (1; 161); «Обед в поле <...> был не по вкусу Кирилла Петровича, который прибил повара» (1; 164); «Обед, продолжавшийся около 3 часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол – все встали и пошли в гостиную» (1; 196).

В. Б. Шкловский в «Заметках о прозе Пушкина», выстраивая хронологию романа, опирается на описание Троекурова из чернового варианта автографа в качестве свидетельства на указание возраста помещика: «Редкая девушка из его дворовых избегала сластолюбивых покушений пятидесятилетнего сатира» (2; 755), но данное за-

мечание, кроме обозначения возраста Троекурова, содержит яркую характеристику нрава барина, от которой Пушкин в первой главе отказывается, возвращаясь к этому, когда речь пойдет о сыне мамзель Мими – Сашеньке – в VIII главе, но интонация будет иная: «...множество босых ребятешек, как две капли воды похожих на Кирилла Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми» (1; 187), обличительный тон снимается авторской иронией.

Работа Пушкина над речевой характеристикой Троекурова имеет свои особенности. Есть эпизоды, вошедшие в установленный исследователями текст, без предварительных правок. Получив письмо от Андрея Дубровского, Троекуров «загремел»: «...да что он в самом деле задумал; да знает ли он с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!» (1; 164). Восклицание Троекурова обретает особый смысл в свете обилия военной лексики в речи повествователя в последующих абзацах, описывающих развитие конфликта двух помещиков. Дубровский в своем владении застал покровских мужиков, «известных разбойников», рубящих его лес: «Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю» (1; 165). Дубровский «вопреки всем понятиям о праве войны, решился проучить своих пленников прутьями» (1; 165). Троекуров, «привыкший давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума», «со всеми своими дворовыми хотел учинить нападение на Кистеневку, разорить ее дотла, и осадить самого помещика в его усадьбе» (1; 165). Не вошло в известный нам текст романа выражение, в котором покровские крестьяне названы «военнопленными» Дубровского. Трижды в напряженные моменты повествования: после сообщения Шабашкина о том, что отныне Кистеневка принадлежит Троекурову; во время приезда исправника в Покровское с целью поимки Дубровского-Дефоржа и при передаче «пленника», рыжего и косоного оборванного мальчишки, исправнику – упоминается о том, что Троекуров насвистывает гимн «Гром победы, раздавайся», слова которого были написаны Г. Р. Державиным на взятие русскими войсками под командованием А. В. Суворова османской крепости Измаил в ходе второй турецкой войны. Троекуров и Дубровский не понаслышке были знакомы с войной, вместе участвовали в русско-турецкой кампании. Тон автора повествователя и речевая характеристика героев подготавливают читателя к будущему обобщению, к такому повороту сюжета, когда частная ссора двух помещиков примет масштаб великого противостояния.

Существенны изменения, касающиеся речи Троекурова в диалогах. В тексте академического издания Троекурову принадлежат слова о Владимире Дубровском: «...коли в твоём Володьке

будет путь...» (1; 162). Товарищеский тон Троекурова очевиден, условие подразумевает широкую интерпретацию: «будет путь» – речь идет не только о социальном положении, но, возможно, подразумеваются и нравственные качества. В вариантах автографа слова Троекурова имеют недвусмысленный намек: «...коли твой Володя выдет в люди, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол» (2; 756). В совокупности с обстоятельствами, при которых сам он «вышел в люди» в эпоху дворцовых переворотов, слова о Владимире оказываются недвусмысленными.

В тексте романа мотивировка лишения Троекуровым Дубровских родового имения заключается в желании его показать свою силу и всевластность: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение» (1; 166). В вариантах автографа намерение отнять у Дубровского имение объясняется мстительностью помещика: «В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение и пустить его нищим» (2; 761). По многочисленности правок, касающихся введения в черновой автограф романа мотива мести, можно судить, насколько важным и неоднозначным он являлся для Пушкина: «Кир<ила> Пет<рович> думал о том как бы отомстить, скучал и досадовал» (2; 759), «желание мести было в нем удовлетворено» (2; 777). Жажда мщения обусловлено появление Владимира Дубровского у Троекуровых: «Я отказался от мщения, как от безумства» (1; 205). В вариантах автографа присутствует ироничная реплика Троекурова о том, что француз отомстил медведю за обиду Спицына: «Благодаря моего француза – он отомстил за твою... с позволения сказать...» (2; 800). Понятие мести в разных контекстах по-разному представляет облик героя, желавшего отомстить. Сопоставим два варианта: в тексте романа о Троекурове говорится: «От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала» (1; 176); в вариантах автографа: «...желание мести было в нем удовлетворено» (2; 777), в последнем контексте не может идти речи о раскаянии, совести, о движениях души, а только лишь об удовлетворенной прихоти помещика-самодура. Пушкин отказывается от такого контекста. Несмотря на то, что имение уже отнято, низкий поступок совершен, само осознание происходящего, роптание совести, делает Троекурова выше чувства мести, позволяет говорить о его незлобивой натуре, испорченной барской праздностью и вседозволенностью. Но определяющим в трактовке мотива мести является не столько контекст романа «Дубровский», сколько контекст творчества Пушкина 1830-х гг. Мотив мести неразрывно связан с темой возмездия, являющейся центральной в повести «Гробовщик», трагедии «Каменный гость», драме «Русалка».

Повествование о Троекурове разворачивается параллельно с историей Андрея Гавриловича Дубровского. В тексте произведения оговаривается

социальное положение помещиков, некоторое сходство их характеров: «Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях» (1; 162). В варианте автографа говорится лишь о сходстве нравов: «они сходились и во нравах» (2; 755). О нраве Троекурова упоминалось выше: «...он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума» (1; 161). Красноречивым подтверждением пылкости нрава Дубровского являются эпизоды на псарне, в суде и в эпизоде приезда Троекурова с примирением в Кистенёвку, заканчивающимся смертью Дубровского. Нрав Дубровского имеет иную природу, нежели Троекурова, он сопряжен с чувством собственного достоинства.

Уже в начале романа столкновение главных героев приобретает характер социального конфликта. Внимание читателя с первых строк заостряется на социальном положении героев, в частности Троекурова: «...в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров» (1; 161); «Таковы были благородные увеселения русского барина!» (1; 189). Пушкин конкретизирует офицерские чины героев: Троекуров – «отставной генерал-аншеф» (1; 162), заметим, что в вариантах автографа это уточнение отсутствует. Андрей Гаврилович Дубровский в письме к Троекурову пишет: «...я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю – потому что я не шут, а старинный дворянин» (1; 164). Сопоставление с вариантами автографа свидетельствует о том, что принципиально важным оказывается факт расслоения дворянства, в варианте автографа указания на отсутствие единства в одном сословии не содержится: «<я не шут,> а дворянин» (2; 759). В вариантах автографа присутствует еще одно словное определение Дубровского, вложенное в уста псая: «...иному голому дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю канурку» (2; 757). Об офицерском же чине Дубровского говорится уже после первого упоминания: «Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами» (1; 162). Этот же чин вводится в текст судебного документа и неоднократно повторяется. Таким образом, дистанция в чинах между соседями была велика, что усугублялось богатством и роскошью Троекурова и скромным состоянием Дубровского, а также расслоением внутри одного сословия. Н. Н. Петрунина в статье «Пушкин на пути к роману в прозе: “Дубровский”» отмечала своеобразие конфликта: «И Дубровский, и Троекуров – представители старинных родов. В эпоху, когда: “У нас нова рождением знатность, // И чем новее, тем знатней”, старинное родовое дворянство также не остается единым. Упадок одних старинных фамилий в XVIII – начале XIX в., не мешал возвышению других»⁴, поэтому так

важно противопоставление «старинного русского барина» «старинному дворянину», «голому дворянину». Вспоминаются слова самого Пушкина из «Опровержения на критику» (1830): «...есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное»⁵.

В тексте романа сперва оговаривается материальное положение Андрея Дубровского, потом чувство зависти – нехарактерное чувство, вызванное горячностью помещика и обусловленное его положением: «Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борз<ых>; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения» (1; 163). В вариантах автографа в данном описании Андрея Дубровского говорится о чувстве зависти, а потом лишь о причине его вызвавшей, но завистливость не является свойством, присущим характеру Дубровского, поэтому, возможно, отодвигается на второй план: «Он был горячий охотник и не мог удержаться от некоторой зависти при виде великолепного заведения. Его состояние позволяло держать ему только двух гончих и одну борзую» (2; 756).

Работа Пушкина над речью Дубровского свидетельствует о том, что автор стремился передать свойственные характеру героя черты суровости, строгости и прямоты. В вариантах автографа во фразе «<Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком> избалованной жены» (2; 756), в тексте романа слово «жены» заменено на: «сделаться приказчиком избалованной бабенки». Другой пример работы над речью Дубровского: Пушкин тщательно ищет слова, которые могли бы передать радость отца при встрече с сыном, оказавшуюся его последней радостью, и сдержанность в выражении глубоких чувств. Рассматриваются такие варианты: «Здорово Володя», «Здорово Володинька», «Володька! сын!» (2; 775), Пушкин избирает самое подходящее приветствие после долгой разлуки: «Здравствуй, Володька!» (1; 175) – здесь проявляются и строгость, и отцовская любовь, и простота.

Ключевым эпизодом для характеристики фигуры Андрея Дубровского является сцена в суде, наиболее тщательно во второй главе прорабатывается именно его образ. Бессилие, безысходность положения Дубровского подчеркивается во фразе, определяющей и состояние героя, и отношение к нему судейских чиновников: «Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке – настала глубокая тишина» (1; 163), в то время как Троекуров «придвинули кресла из уважения к его чину, летам и дородности». В черновом варианте этот контраст не был столь сильно отмечен: «(Дубровский. – М. К.) прислонился к дверям» (2; 764). Лаконичное добавление о наступлении глубокой тишины определенным образом настраивает читателя, тишина воспринимается как зловещая. Безумие героя подготавливается общей

атмосферой. Кроме того, этот мотив является устойчивым для творчества Пушкина 1830-х гг. («Полтава», «Каменный гость», «Русалка», «Пир во время чумы», «Медный всадник», «Пиковая дама»). В вариантах автографа Пушкин называет состояние Дубровского только лишь «внезапным припадком» (2; 768), никак не связывая это с сумасшествием, уделяя большее внимание внешним проявлением гнева: «топнул ногою, и схватив секретаря за ворот бросил его об пол» или «потом схватил кресла и пустил их в заседателя» (2; 768). Позднее Пушкин откажется от описания разрушительного проявления физической силы, сконцентрировав внимание читателя на гневных восклицаниях Дубровского, имеющих в повести глубокий, обобщающий смысл, гораздо более широкий, нежели возмущение царящим чиновничьим беззаконием: «Как! не почитать церковь божию! прочь, хамово племя! <...> псаря вводят собак в божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» (1; 171). Страдания, связанные с крушением человеческой судьбы, становятся возможным передать лишь через безумие, сумасшествие, только состоянием, по своему ужасу превосходящим горе. Недаром исследовательница романа «Дубровский» Т. П. Соболева⁶ соотносит строки из «Медного всадника», принадлежащие Евгению: «Ужо тебе!»⁷, и слова Дубровского: «Я вас уже проучу».

Итак, целенаправленность работы Пушкина над текстом произведения выражается в различ-

ных по своей сути вариантах автографа. Наиболее значительными оказываются варианты, связанные с проблематикой романа и индивидуализацией характеров. Стилистические правки раскрывают принципы работы Пушкина над речью персонажей и автора-повествователя.

Исключение из текста романа упоминания о «славном 1762 годе», разлучившем бывших сослуживцев, оставляет центральной проблемой расслоение внутри дворянского сословия. От изображения типа «русского барина» Пушкин обращается к судьбам русского дворянства.

Примечания

- ¹ Пушкин А. Дубровский // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. ; Л., 1937–1949. Т. 8, кн. 2. С. 755. В дальнейшем все ссылки на роман «Дубровский» даются в тексте по этому изданию с указанием книги и страницы в скобках.
- ² Пушкин А. Арап Петра Великого // Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 8, кн. 1. С. 19.
- ³ Там же. Кн. 2. С. 512.
- ⁴ Петрунина Н. Пушкин на пути к роману в прозе : «Дубровский» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 146.
- ⁵ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 11. С. 165.
- ⁶ См.: Соболева Т. Повесть А. С. Пушкина «Дубровский». М., 1963. С. 49–50.
- ⁷ Пушкин А. Полн. собр. соч. : в 16 т. Т. 5. С. 148.

МОТИВЫ ГАРМОНИИ И РАЗЛАДА В РУССКИХ ПОСЛОВИЧНО-ПОВОРОЧНЫХ ТЕКСТАХ

М. В. Трухина

Саратовский государственный университет
E-mail: maruska-08@yandex.ru

В статье рассматриваются пословицы и поговорки русского народа, апеллирующие к категориям гармонии и разлада. Выделяются основные смысловые доминанты пословиц, связанных с указанными категориями. Основным источником пословиц и поговорок послужил сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа».

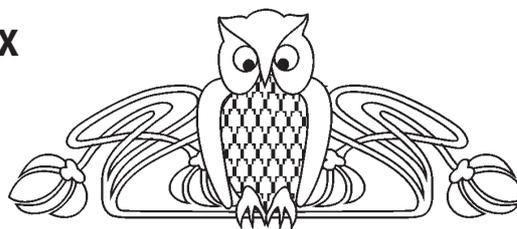
Ключевые слова: гармония, разлад, ссора, мир, конфликт, Даль, пословица, поговорка.

Motives of Harmony and Discord in Russian Proverbs and Sayings

M. V. Trukhina

In the article the proverbs and sayings applying to the categories of harmony and discord are analyzed. The basic semantic focuses related to these categories are singled out. The collection *Proverbs of the Russian People* by V. I. Dal has served as the main source of proverbs and sayings.

Key words: harmony, discord, quarrel, peace, conflict, Dal, proverb, saying.

Гармония и разлад – две противостоящие друг другу и две взаимно соотносимые универсальные ценности, два полюса человеческого бытия. Существуют внутренние противоречия, раздирающие человеческую душу, или, напротив, полное согласие человека с самим собой – его внутренняя гармония. Говорят о гармоничных межличностных отношениях или разладе с другими людьми. Самый масштабный уровень – гармония мироздания, которая занимает центральное место и выступает как норма в классической европейской (прежде всего народной) культуре. Главный конфликт здесь заключается именно в нарушении гармонии и поиске путей ее обретения.

Пословично-поговорочные тексты – редоточие народной мудрости, вобравшей в себя вековечный жизненный опыт, – так или иначе, в силу соприродной им смысловой бытийной уни-